

Александр ЯРОВОЙ,
кандидат филологических наук
(Киев-Москва)

ЕВТУШЕНКО: «ЧЕЛОВЕК-СЦЕНА»
Расширенный комментарий к стенограмме

«Ну что с ним делать?
В Сибирь сослать? Так он там родился.»
*Руководитель СССР Леонид Брежнев –
о поэте Евгении Евтушенко*

XX век закончился для человечества крахом.

На XXI век программа-минимум – осознать это и остановить системный распад человечности, а программа-максимум – поднять из этого краха, праха человеческие надежды в культуре, политике, экономике. Собственно, зажить заново. На началах, совершенно противоположных прежним.

Четверть века мы, украинцы (да разве только мы!), слепо верили западно-либеральной басне о каком-то «торжестве свободы» на постсоветских территориях. Обернулось всемирное проамериканское «торжество свободы» – неволей для людей, наций и всего человечества, ложью, стало рабством злу, бескультурью, бессловесной идеологией брюха. Исчезли какие-то «диктатуры», «режимы»? А на что они поменялись? .. Так и вспоминается с репризы некогда сумасшедше популярного эстрадника Геннадия Хазанова: «На нашем заводе дуракам не место! А где им место? На соседнем заводе?!»

Перефразирую: «Негодяям при власти у нас не место! А кому место? Другим негодяям?!»

Солженицын говорил, что писателю дано победить ложь. А львиная доля новейших исторических процессов – это коварно направленное действие масс, опутанных ложью, безразлично – марксистской, перестроечной, либеральной, «майданной» или еще какой-то. Два последних десятилетия культурный постсоветский материк практически не родил ничего мощного - хотя бы в литературе. Казахский писатель О.Сулейменов писал в начале двухтысячных: «Нет, не власть сражается с оппозицией ... это звон монет, а не мечей». Это сказано пожалуй, больше для Украины, чем для Казахстана ...

Умерли Василь Быков, Александр Солженицын, Олесь Гончар, Павло Загребельный – это свидетельствует об окончании эпохи последних классиков...

Но еще есть, существует Евтушенко. Украинский паритет ему – разве что Борис Олейник.

Когда-то Евтушенко писал: «Поэт в России – больше, чем поэт». Он говорил о всех нас, о той 1/6 мира. Что поделаешь, коль мир знал эту всю 1/6 планеты, как «Russia»? Политика-то - политикой, но мы все крайне одичали на своих хуторах. Подскажите, что нового сейчас в литпроцессе Грузии? Кто яркий, молодой, сверкнул в Балтии? Что пишут современные армяне, какие журналы издает Азербайджан?

Зачем было рвать по живому ЭТО?

... Читаю письма «польского Андруховича» Анджея Стасюка в журнале «Иностранная литература». Описывает «новую» Европу. «Нова» она тем, что на чем свет прокликает «старое», то есть связанное с социализмом, с СССР, Россией на европейском Востоке. Таков он им, соцлагерь, не таков ли, – пусть теперь сравнивают в Евросоюзе, который, как и все союзы, со временем все меньше «держится купы». Возмущает другое – автор с восхищением рассказывает, как помогал поставить на вагонную полку чемодан престарелому немцу, и его, - он подчеркивает, - не интересовало, воевал этот немец в гитлеровском вермахте или нет ... (Читайте - убивал ли его родственников-поляков, или

нет). И в то же время, почти вслух прыская слюной, не жалеет черных красок для «советско-русских варваров», которые ему враги страшнее, чем фашисты! Негуманно напоминать: если бы не кровь миллионов бойцов Красной Армии, то Польши, как географического и политического явления, просто бы не существовало. Нет смысла напоминать о легендарном еще при жизни украинце Евгении Березняке, «майоре Вихре», которого Стасюк тоже пришел бы к «Раша» – и который провел блестящую операцию, чтобы Краков не превратился в груды камней вследствие фашистского заминирования. О чем будешь говорить с этими плодами «новой Европы», нового мирового порядка, который объявляет черное – белым и белое – черным! Им ничего не скажут экспонаты фашистских «цивилизаторов» – ни перчатки из человеческой кожи, ни мыло из человеческого жира, ни гильотина средневекового образца, изготовленная в середине XX века и именно для того, чтобы пускать в мир иной земляков Стасюка... И этой ли Европе обвинять нас за то, что она теперь неблагодарно живет, наглеет и ищет виновных в своем экзистенциальном убожестве, что она неосмотрительно бесилась с жиру, а теперь ее трясет лихорадка цивилизационной интоксикации? Если бы не «тоталитарный Восток», то жители многих близких или дальних западных «демократий» (которые через неделю-другую упали под гитлеровскими сапогами) были бы пущены на мыло и минеральные удобрения... «Оболванивание с глобальным размахом» – говоря языком Евтушенко...

Но правда все равно проявится, как старомодная фотопленка вчерашней эпохи. А пока ложь делает определенные успехи, и что тут отрицать ...

Что же мы, украинцы, выбираем во втором десятилетии нового века?

Российские кинематографисты создают фильмы, в которых видим иконные лики, в которых слышится молитва (как «Остров», «Адмираль»). Немцы привозят фильм «Девятое небо», посвященный теме отвратительного, жалко-уродливого старческого «секса», на экране проплывают обрюзгшие пенсионерские телеса, рябые морщинистые спины... Там – молитва и высокие чувства, а тут – извращение, грязь, шизофрения. Молитва или перверзия, рассвет или закат – нам выбирать...

Выросло поколение, которое не только «не знает о Незнайке», как писал один журналист, – оно даже не знает, что поэзия могла собирать стадионы слушателей. Что паршивенький европейский «успех» с поэтической книгой в 50 экземпляров – это аномалия. У нас нормальный успех поэзии – когда автор забывает строку, а из зала ему подсказывают хором – так было и с Евтушенко, и с его другом Высоцким. Причем подсказывают строки то рыбаки на Камчатке, то доценты Московского университета, то молдавские рабочие, то киевские инженеры. Это – успех. Настоящий, человеческий, человечный и всенародный.

... Открываю полуслучайно журнал «Новый мир» за 1964 год, №5 . Там автор Т.Мотылева пишет о 26 днях пребывания в США, говорит о сборнике произведений американских поэтов «Время», 1963 год. Он открывается поэмой хотя никому и неизвестного, думаю (ни тогда, ни теперь) Ч.Плаймелла «Слава революции» (!), но начало поэмы примечательно. Она цитирует, построчно переводя:

Америка скована ледяным страхом...

... На телеэкране чиновник.

Он говорит о «нашей» обороне.

Он говорит о «их» запасах оружия.

Это намек на Россию.

А я не хочу

Вооружаться против страны,

народ которой

тысячами приходит,

чтобы послушать поэта ... (Выделение наше. - А.Я.) .

Кого слушали эти тысячи? Поэтов-шестидесятников, в том числе – Евгений Евтушенко. Я студентом еще застал, когда поэзия собирала актовые залы (конец 80-х).

Теперь она собирает пространства величиной со школьный класс. И это – не предел деградации.

Но порой действуют исключения, которые дают надежду на подтверждение полномочий правила, на возрождение этих полномочий... Вспоминаю полный актовый зал Института филологии КНУ имени Тараса Шевченко 24 декабря 2008 года. Профессора выводят на сцену Евгения Евтушенко, кажется, тоже профессора. По крайней мере, он читает лекции о литературе за океаном. Он в 40 лет побывал в 64 странах мира. Не везде его принимали аплодисментами. Как вспоминает Евтушенко в огромной поэме «Фуку», в то время, когда некий Плаймелл написал свою «Славу революции», – русский поэт там получил «приветствие» совсем иного рода. Выступая в каком-то из городов штата Миннесота на открытом ринге, поэт был повержен на землю и избит ногами. Это сделали потомки бандеровцев, проживающих в США и Канаде. Примечательно, что надлом ребра прошелся как раз по старому перелому, как констатировал врач – впервые ребро, тогда еще детское, было повреждено сапогом спекулянта, который бил парня на сибирском рынке в 1941 году. «Фашизм, который не достал меня в войну на станции Зима, – писал Евтушенко, – настиг за океаном. Словом, не на рынке, так на ринге». С тех пор, – говорит поэт дальше, – «больше всего ненавижу фашистов и спекулянтов». Страшные гипертрофированные формы фашизма и разномастное спекулянтство – от ширпотребной перепродажи фальсификатов до спекуляции доверием миллионов – видят сегодня и наши глаза, а хуже, что глаза юных. Вот им это грозит трудноистребимым отчаянием на будущее и недоверием ко всем и всему...

Евтушенко встречался с сотнями людей, которые были легендами-«позитивами» и легендами-«негативами». И просто легендами. Как вы видите по тексту выступления, одни считали его агентом КГБ, которому позволяли писать «нужную критику», чтобы выставлять Западу как живую вывеску «свободы слова». Некоторые считали, что он – агент Запада. Оставим эти бесплодные споры. Талант звездной величины остается талантом. Его поэзия несет какое-то победное, жизнерадостное начало... Она пыталась победить запреты и тайные рескрипты. Испанский диктатор Франко на просьбу разрешить выступление поэта написал: «Надо подумать». Министр же внутренних дел Испании наложил резолюцию: «Только через мой труп». Его рисовал всемирно известный Сикейрос, попивая с ним вино «из горлышка» в мастерской, причем портрет подписал так: «Это одно из тысячи лиц».

И вот – очередное лицо Евтушенко в украинском Институте филологии при Киевском университете.

Все подано со стенографической точностью, удалены лишь некоторые неизбежные словесные повторы, стилистические зигзаги устной речи «не по шпаргалке» (хотя специфика разговорной манеры сохранена) – словом, диктофонная запись почти буквально передает атмосферу и содержание той встречи.

Тогда никто не знал, до чего доживет Украина... До каких событий... До какой абсурдной враждебности к великой русской культуре... Да что уж говорить!..

Лучше – о другом. Здесь находим ценные советы для молодых литераторов: это касается как требований к содержанию, тесно связанных с писательской этикой (понятие сейчас чуть ли не фантастическое!), так и с моментами поэтической техники... Приводятся интересные факты, воспоминания. Обратите внимание: не только в этом выступлении, но и по своим книгам разных лет Евтушенко не выглядит рабом никакой идеологии, – возможно, это маска искренности, но она создает абсолютную достоверность искренности. В любом случае это – поэт щедрого таланта, один из последних живых классиков, человек, который очень точно схватывает цепкими пальцами своей поэтической речи острые, самые важные и динамичные моменты бытия. У него нет бездумной «политической лирики», везде – человек с его переживаниями.

Классика всегда актуальна. Его стихи заставляют задумываться. Когда сейчас, проходя улицами Киева, видишь толпы мужеподобных девушек в брюках,

«спецназовских» сапогах и с сигаретами, а юношей, наоборот, каких-то женоподобных и прилизанных, с сережками в носах и ушах, - так и вспоминаются строки поэта, написанные, оказывается, сорок лет назад:

Мужчины стали чем-то вроде баб,
А женщины - почти что мужиками...

Как сегодня написано...

Вообще, когда поэт в этом же выступлении говорит, что заново зарифмовал весь словарь Ожегова, - этому верится. Поэтический ход Евтушенко всегда непредсказуемый, запоминающийся, что называется - «хлесткий». Если рифма, то действительно - неожиданная. «Бесславые - канаве», «óрган - издерган», «фатально - фонтана», «пижон я - напряженно», «аптекой - некой». «По-евтушенковски» сказано: «несмелый мел», «рукою вспомнил, что забыл часы», «глаза неутолимые мои»; только Евтушенко может додуматься, что в гробу у товарища Сталина стоит телефон, поскольку вождь и дальше дает директивы - «нет, Сталин не сдался, считает он смерть поправимостью». Тематика письма, этика письма, техника письма - все эти характеристики очень интересны у Евтушенко.

Афористика Евтушенко - отдельная тема. Заголовки произведений и сборников - тоже... Материал - путешествия, биографии, встречи, любовь и опасность, действительность и ложь («как врать помяните...»). В одном из стихотворений поэт высказался в таком духе: я был не зрителем и даже - не на сцене всех этих эпох. Я был... сценой. «Эпоха на мне поплясала ... Я был не в сцене - был сценой». Все действие мирового театра проходит внутри поэта ... «Не такая уж глупая мысль, если вдуматься», - как писал Сергей Довлатов .

Ну и что с того, что Евтушенко в свое время прославлял Ленина и партию? Прославлял талантливо. Причем теперь не отрекается от этих своих произведений. Он воспекает «матушку-Россию», но не отрицает наличия в себе влиятельной дозы украинской крови. Понимает Украину и украинское. Не может забыть прикиевский Ирпень, умеет почувствовать специфику и музыку украинского.

И нам не надо ширпотреба,
Нам надо ветра, надо неба...

- колоритно говорит у него одесский матрос («Баллада о выпивке»). Хотя поэт и читал лекции западным студентам, но ... Как поймут американцы смысл этого стихотворения, где, по внешнему сюжету, восемь советских моряков, не найдя в портовом городке спирта, распивают ящик одеколону «Шипр»? И увидит он за этими парфюмерными подробностями - жгучую авторскую слезу?

Его эпические стихи часто можно пересказать, и это не минус. Значит, есть смысл, есть что вспомнить.

Где он настоящий? Какой он настоящий? Космополит он или «ультрарусский»? Верующий или атеист? «Прирученный» или диссидент? У него есть кричаще антисоветские стихи, за подобные которым кто-то другой параллельно уже «сидел». Например, стихотворение «Письмо к Есенину», демонстрирующее еще и прекрасного стилизатора, которым нельзя стать без глобального знания предыдущего поэтического опыта:

Есенин, милый,
изменилась Русь,
и сетовать, по-моему, напрасно,
и говорить, что к лучшему, -
боюсь,
ну а сказать, что к худшему,
опасно.

Это 1965. И далее говорит о неприятии диктата над литературой, о такой «критике», когда «румяный комсомольский вождь / нас, поэтов, кулаком грохочет» Поэт признается поэту: «и мне не хочется, поверь, задрать штаны, / бежать во след за этим комсомолом» (мало кто теперь в нечужой поэту современной Украине, где американогенный «майдаанный патриотизм» уже давно, и все более, насаждается ненавистью к «москальской» культуре и ее незнанием, где русскую литературу с середины 90-х относят к «зарубежке»,- услышит здесь аллюзию на есенинскую «Русь уходящую»).

Заканчивает он выводом неожиданным, эпатажным, для многих неприятным, многозначительным... и неоспоримым:

Русская поэзия кладет...

Европу, как Поддубный, на лопатки.

Евтушенко прощалось и разрешалось острое и проблемное, запрещенное другим.

В любом случае, он – не безликий, даже при наличии тысячи масок. А это – главное. Видимо, правду говорил, когда писал в 1972 году в стихотворении «Я хотел бы», что на родной земле «впервые себя я почувствовал всеми». Даже если это – поэтическая декларация, неплохо сказано. В принципе, поэту у нас и надо быть таким.

В любом случае Евтушенко – сгусток поэтической энергии и клубок парадоксов. Это – поэт, о котором говорили, говорят и будут говорить.

*Понял я, что тайно был причастен
к стольким людям сразу всех времен.*

*Понял я, что человек несчастен,
потому что счастья ищет он...*

Счастье – словно взгляд из самолета.

Горе видит землю без прикрас.

*В счастье есть предательское что-то –
горе человека не предаст.*

*Счастливым был и я неосторожно,
слава Богу, счастье не сбылось.*

Я хотел того, что невозможно.

Хорошо, что мне не удалось.

*Я люблю вас, люди-человеки,
и стремление к счастью вам прощу.*

*Я теперь счастливым стал навеки,
потому что счастья не ищу.*

*Мне бы – только клевера сладинку
на губах застывших уберечь.*

*Мне бы – только малую слабину –
все-таки совсем не умереть...*

Возможно, это и удастся. Тем более, что «умереть – жестоко / и к себе, и главное – к другим» .

Евтушенко читали, читают и будут читать. Поэтому – давайте еще будем и

«слушать». Выступлению далеко не грозит «архивный статус», устарелость... Как

минимум – оно интересно. Как максимум – оно расширяет наше представление о возможностях истинного творческого слова. Тем, кто прикоснется к нему, будет что вспомнить и над чем задуматься. Мы видим, как сбываются на наших глазах, к сожалению, и становятся явью тревожные прогнозы, опасения поэта... Кто бы несколько лет назад подумал о возможности возрождения фашизма в центре Европы? Но вместе с поэтом мы верим и в будущие светлые времена совместного исторического бытия Украины и России. В мощные перспективы отечественного Слова. Да будет так!

«МЫ ВЫСТОИМ ПОД НЕБЕСАМИ!»
ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ ЕВГЕНИЕМ ЕВТУШЕНКО
В ИНСТИТУТЕ ФИЛОЛОГИИ КИЕВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени ТАРАСА ШЕВЧЕНКО 24 декабря 2008 года
(С Т Е Н О Г Р А М М А)

Е.Евтушенко: Я, во-первых, хотел сказать, что помимо того, что пишу стихи, я еще и антологист...

Когда я пришел в Литературный институт в 1952 году (без аттестата зрелости), знаете, как мы проверяли «на вшивость» (как на сленге говорили нашим, тогдашнем жаргоне студенческом?..) Это трудно представить: мы все проверяли друг друга на талантливость даже не столько по собственным стихам, сколько по знанию стихов других поэтов, особенно по тем стихам, которые трудно было достать. Труднее всего было достать тогда, конечно же, стихи арестованных и расстрелянных поэтов. Мы цитировали, это трудно вам представить... это было сталинское время, 1952 год. Было «дело врачей», когда арестовывали врачей как якобы убийц, пытали, они начали давать показания – и стали закрывать даже аптеки, потому что там работали евреи: их просто увольняли... И уже готовилось невероятное переселение евреев - за Байкал, за Читу, туда, где район Биробиджана – по просьбе самих евреев! (*Смех в зале*), по униженной просьбе... Людей нельзя обвинять, это сейчас легко обвинять их в том, что они поддались... а ведь за каждым человеком были семья, родители, дети и т.д... Они были голодные в этот момент. И спасая своих родных и близких, они – самые знаменитые евреи, подписывали – как Исаак Дунаевский, песни которого пела вся страна, а он подписал это письмо, просил тоже... его сослать! Даже такой писатель, который уже тогда готовил свою великую диссидентскую книгу «Жизнь и судьба», как Василий Гроссман (книги которого обязательно нужно прочитать вам) – и они подписали, даже Гроссман! – просьбу об этом сослании... То есть это было...

И представьте себе: на лестнице Литинститута, в первый вечер знакомства, стоит парень баскетбольного роста...

(Что такое был Литинститут? Он был элитарный, и элитарный не в сегодняшнем смысле, а в смысле талантливости! Сейчас, к сожалению, этот уникальный Литературный институт, где учились люди разных национальностей, куда отбирали только по одному признаку: по таланту... сейчас туда принимают любого, кто заплатит. Ужасно для такого института!)

И вот, стоял огромный баскетбольный детина, и, значит, он мне читал:

От Махач-
калы

До Баку
Луны плавают
На боку!..

– и провоцирующе смотрел на меня. А я продолжал:

Лодка, что же еще.
Эх, лодка,
Спирт горячий, зеленый, злой!
Нас качала в пирушках водка
С боку на бок и с ног долой.

Это были стихи расстрелянного в возрасте 27-и лет замечательного поэта Бориса Корнилова. А человек, который стоял, был Роберт Рождественский. Мы читали это совершенно открыто. Представьте! Мы понимали, насколько талантлив каждый из нас, по тому, как мы знали то, что запрещено – так мы вообще знали поэзию! Это была проверка наша, взаимопроверка...

Кстати, сейчас происходит вот что (не забывайте, пожалуйста, если кто-то из вас собирается стать писателем или уже даже пишет), – понимаете, я очень часто сталкиваюсь с тем, что ко мне приходят писатели и говорят: «вы читали того-то?» Я сразу вот в такую игру пытаюсь играть, чтобы угадать... В общем, плоховато с чтением. Потому что: вроде все напечатано, и как-то люди от того, что все напечатано – они этого и не читают! И оттого, что это не опасно (можно где-то достать, но немножко стоит конечно, пошевелиться), – не читают. Каждый человек должен суммировать все, что было до него – в науке ли, в литературе, не имеет значения, – в медицине ли... В любом, любом деле!.. Он должен знать наизубок *все*, что было до него! Не важно, вы будете подражать Пастернаку или нет... Вы не будете подражать Пастернаку, только если вы будете знать наизубок Пастернака! Вы не будете подражать... вы будете учиться, но не будете имитатором. Баратынский (замечательные стихи были у него) писал, что «ваша муза» (обращаясь к имитаторам), «подобна нищей развращенной, молящей лепты незаконной, с чужим ребенком на руках». Понимаете? Каждый человек, поэт и любой писатель, – это человек, который держит *своего* ребенка в руках, выношенного. Но для того, чтобы его выносить по-настоящему, нужно знать все, что происходило до этого. Только великий читатель может стать великим писателем.

Кстати, вот Есенин. Вы знаете, как-то принято про него считать: вот, он был якобы безграмотный, поскольку официального образования никакого не было... А я смотрел его читательский библиотечный формуляр: он очень много читал. Маяковский сначала много читал, а потом перестал читать. И это даже при таланте такого гениального человека, чей первый том («Облако в штанах»...) равен просто... где-то рядом стоит с Данте, с Петраркой!.. Я вот говорю все время: как жалко, что нет композитора, который бы написал симфонию на «Облако в штанах». Он именно потому стал уменьшаться как поэт, что перестал читать других. Перестал совершенствоваться... и так далее. Так что это очень взаимосвязано...

Все наше поколение, вся плеяда шестидесятников – мы знали великолепно поэзию. Поэтому очень важно, чтобы были хорошие литературные объединения и при университетах, и при заводах - чего сейчас нет, к сожалению. Чтобы писатели входили обязательно в преподавание... Вот мы учимся у американцев не самому лучшему, что можно было бы, а мы должны учиться у них, как строить дороги и тому, что они делают в университетах. В американском, каждом уважающем себя, колледже есть должность: писатель при университете. (В любом университете, факультете, даже на медицинском, всегда есть люди, которые пишут). Он ведет обязательно и семинары, и так далее, и читает лекции, он не совсем зависит от текучки, я считаю, что это очень полезно, потому

что если из них не получатся хорошие писатели, то уже, если получается читатель хороший, это тоже литература.

Что такое хороший читатель? Это человек с хорошим вкусом! Понимаете?

Я считаю, что, например, страшные, трагические ошибки, в такой стране, например, как Германия (хотя у немцев была великая культура, и великая философия, и великая литература, и все, что угодно)... – ошибки, сбои были от того, что стал распадаться вкус вообще. (Пастернак, кстати, прямо соединял вкус с моралью). Сейчас мы смотрим на Гитлера, и это – карикатура! А ведь немцы потеряли тогда ощущение вкуса... Сейчас он выглядит карикатурно, а тогда люди были введены в заблуждение – просто от экзальтированности.

И еще: мы сейчас находимся... мы сейчас входим в очень опасное время. Мы, все человечество. Я не делю на американцев, русских или украинцев. Мы все входим в опасное время, потому что именно в кризисные экономические состояния возникает еще больше мания по сильной руке, как бы «железной», которая вот спасет, установит, прежде всего, порядок. Простые люди часто думают, что надо, прежде всего, накормить детей и так далее, что все это «остальное» – это так, чепуха, «интеллигентские заботы»... И проблема свободы, в конечном счете, в наших постсоветских республиках свелась к той трагедии, что... при сравнительной, так сказать, в общем, свободе высказываний вдруг оказалось, что многим людям просто *нечего сказать!* Вот в чем трагедия.

Не буду долго говорить, просто хочу прочесть вам одно стихотворение, в котором я это предвидел. Вот иногда стихи бывают умнее автора. Я так рационально об этом не думал, что так может быть – я даже был наивнее своих стихов! А они что-то «знали», мои стихи, чего я сам не знал. Потому что мы настолько страдали от цензуры, что нам казалось: не будет цензуры – это будет какая-то панацея! Вот будет многопартийная система – тогда все будет хорошо! И вдруг оказалось, что – чепуха... Все зависит от того, какие партии, чем они занимаются, и кто члены этих партий и так далее. Это совсем просто.

Я несколько таких стихов вам прочту, в которых предвидел что-то. Но, поверьте, что это стихи мои предвидели, а не я, потому что я был наивен, мне казалось... наивней своих стихов, а они что-то знали, чего мне не говорили, вот. Хотя говорили кому-то... Потом я прочитал, а оказывается, что у меня там было скрыто – догадался. Не во всех стихах... Многие были такие же наивные, как и я. Вот, я хочу прочитать одно стихотворение. Вы, вообще, знаете, что такое карликовые березы – географически и ботанически? Это те березы, которые прижимаются в тундре к земле, они «ползут», так сказать!.. Вот было время диссидентских процессов. 1966 год. Еще писателей не арестовывали, и вдруг устроили писательский процесс. Вы помните, как фамилии этих двух писателей, которых арестовали первыми?

Голоса из зала: Синявский, Даниэль.

Е.Е.: Синявский и Даниэль. Очень хорошо. Вот. Забегаю наперед. Как же узнали их имена? Вот подумайте о цинизме политиков. Как политика иногда манипулирует разными вещами за сценой...

Когда я был в Соединенных Штатах в 1966 году, в тот же год, когда арестовали Синявского и Даниэля, я был у Роберта Кеннеди, который мне рассказывал, как мои стихи любил его брат, и хотел меня пригласить как президент, но счел, что это может быть опасно для меня, потому что меня там ругали в хвост и в гриву... И ждал, так сказать, когда все это уляжется - более или менее. Кстати, нам так и не пришлось свидеться – его убили. И Роберт мне рассказал.. Он попросил меня нечто сообщить нашему правительству (он даже просил не говорить его имени, это было совершенно ясно, что его имя ни в коем случае нельзя было употреблять, потому что это было очень опасно для него)... Он завел меня в душевую комнату и включил душ. Я, честно говоря, немножко опешил, когда он меня пригласил в туалетную комнату (*Смех в зале*), но, слава Богу, отлегло (*Смех в зале*), вот. Он сказал мне, что Синявского и Даниэля выдало нашему КГБ – Си Ай Эй, то есть

американское КГБ. Я тогда был наивный, повторяю, и я тогда спросил... сейчас бы я не спрашивал – как, зачем? Он сказал: потому, что, когда шла война во Вьетнаме, у Америки было очень плохое лицо, лицо мирового жандарма, и во всех странах бойкотировали даже американских туристов. (Меня, кстати, за американца приняли в Венеции, и не хотели меня сажать в гондолу, а когда узнали, что я – русский, с восторгом обнимали, запели «Бандьера росса» и посадили меня)... И тогда *они* правильно совершенно рассчитали, то есть подло, цинично сыграли судьбой этих людей: у них были сведения, кто скрывался под псевдонимами, они эти псевдонимы раскрыли нашему КГБ, причем очень хитро сделали: они, чтобы не выглядеть, что просто задарма это дают и навязывают, сказали, что *они могут только за плату*, если... КГБ утвердит (подтвердит) имеющиеся у них сведения о водоизмещении советских подводных лодок. Хитро так, знаете, как двойная бухгалтерия! Я просто совершенно обалдел от такой сложной бухгалтерии политической закулисной жизни. Сразу, моментально наши клюнули на эту удочку, проглотили крючок, немедленно схватили Синявского и Даниэля, – что не имело никакого смысла, потому что они никуда не прятались и никуда бы не убежали. Сразу, значит, решили начинать процесс, и Союз писателей попался на это немедленно. И на все первые полосы мировых газет вышло: да, мы во Вьетнаме, но... мы во Вьетнаме защищаем свободу слова, чтобы мир не превратился в такую систему, как в Советском Союзе, когда писателям затыкают рты, и они не могут сказать ни одного слова правды. Вот как была разыграна эта карта!

Что я могу сказать... С точки зрения цинизма политического – это лихо было сделано! И как это было грязно и некрасиво! В то же время и тут начались, уже повально уже пошли, диссидентские процессы, потом психушки пошли и так далее, и это было ужасное время... Ну а Запад в это время, западная интеллигенция - посылали письма поддержки, так сказать, и так далее, и так далее. И в этот момент, очень сложный момент, я написал такое стихотворение – «Карликовые березы». И там есть одно четверостишие... Вот давайте сыграем в такую игру (все-таки мы все дети, только лет нам немножко, правда?) – вот я прошу вас угадать, какое четверостишие оказалось совершенно случайно провидческим? Что случилось потом?..

Это написано как монолог карликовых берез. Интересно, что это было напечатано сначала в Иркутске в отделе «Уголок природы» (*Смех в зале*). Экология!..

Сейчас! Это надо встать.

Мы – карликовые березы.
Мы крепко сидим, как занозы,
у вас под ногтями, морозы!

И вечномерзлотное ханство
идет на различное хамство,
чтоб нас попригнуть еще ниже.
Вам больно, каштаны в Париже?

Вам грустно, надменные пальмы –
как вроде бы низко мы пали?
Вам странно, блюстители моды,
какие мы все квазимоды?

В тепле вам приятна, однако,
гражданская наша отвага,
и шлете вы скорбно и важно
поддержку моральную вашу...

Вы мыслите, наши коллеги,

что мы не деревья – калеки.
Но зелень, пускай некрасива,
среди мерзлоты – прогрессивна...

Спасибочки! Как-нибудь сами
мы выстоим под небесами,
когда нас корежит по-зверски, –
без вашей моральной поддержки.

Конечно, вы нас повольнее,
зато мы корнями сильнее.
Конечно же, мы не в Париже,
но в тундре нас ценят повыше.

Мы – карликовые березы.
Мы хитро придумали позы,
но все это только притворство.
Прижатость есть вид непокорства.

Мы верим, сгибаясь увечно,
Что вечномерзлотность – не вечна,
что эту паскудину стронет
и вырвем мы право на стройность.

Но если изменится климат,
то вдруг наши ветви не примут
иных очертаний – свободных?
Ведь мы же привыкли – в уродах!

И это нас мучит и мучит,
а холод нас крючит и крючит.
Но крепко сидим, как занозы,
мы – карликовые березы.

(Продолжительные аплодисменты)

Я, примерно, пытался изобразить, как я читал это когда-то - когда написал. Ну вот, какая тут строфа?..

Голос из зала: Но если изменится климат...

Е.Е.: Вот правда. Как это стихи догадываются?

В 1968 году(интересно, что это было до чешских событий), я просто чувствовал, как они должны произойти, не верил, не хотел... Я, если говорить по совести, – идеалист. Я, как и Пастернак, считал, что социализм – это ребенок христианства, что мечта о социализме выросла оттуда. И меня просто поражало несовпадение, так сказать, идеалов социализма с реальным, с тем, что мы называли социализмом. Потому что его, собственно говоря, не было. Это была, все таки, империя с какими-то чертами социализма... С моей точки зрения, Андрей Дмитриевич Сахаров был... человеком социалистическим очень во многом. Во всяком случае, не врагом социализма. Ни Пастернак не был... Просто это один из вариантов будущего и так далее. Просто его искорежили, испоганили, как поганили очень многое...

Я разные стихи писал. «Проклятье века – это спешка, и человек, стирая пот, по жизни мечется, как пешка, попав затравленно в цейтнот. Поспешно пьют, поспешно любят – и опускается душа. Поспешно бьют, поспешно губят, а после – каются, спеша. Но ты, хотя б однажды в мире, когда он спит или кипит, остановись, как лошадь в мыле, почувяв

пропасть у копыт. Остановись... под шелест листьев обветшалых пойми забежавшийся: – жалок, остановившийся – велик. Топча, как листья, чьи-то лица, остановись, ты – слеп, как Вий. И самый шанс остановиться безумством спешки не убий». Вот что я писал перед этим, когда все это нагнеталось. Я писал старую «Римскую дорогу», вспоминал, чем кончаются все империи и так далее. У меня было все время какое-то чувство, что что-то подступает, не дай Бог, сейчас произойдет. И написал такое вот одно стихотворение, которое я вчера, выступая у Савика Шустера... Не знаю, может я был слишком усталый и несобранный... Но одну вещь он кстати, к месту сказал, что нам теперь важнее, чем партиестроительство (им занимаются теперь и в России, и тратят много очень сил на Украине), – а человеко-строительство, индивидуальное строительство человеческой совести, о которой мы забыли. Кстати, вот произвели такой сравнительный анализ самых употребляемых слов в нашем, например, парламенте. Интересно с вашим сравнить... (Смех в зале). Что реже всего употребляется слово «совесть». А в России одно паразитическое выражение чаще всего – «как бы». «Это парень честный, на него можно положиться?» «Как бы можно». Я прочту...

Я никогда не был антикоммунистом, никогда в жизни, у меня мама была коммунистка, идеалистка, но она никого не угнетала, так сказать, была романтической идеалисткой, пела на фронте, потеряла голос свой... Вот и у меня нет никакой нетерпимости к разным точкам зрения – вообще, скажу на будущее. Этому мы, кстати, не можем никак научиться до сих пор. Посмотрите, наши политики – как они чудовищно оскорбляют друг друга! А писатели до чего доходят? Когда они спорят – невыносимо, не умеют спорить, дискутировать...

Так вот, я написал еще такие стихи. Они были напечатаны, между прочим, когда перестройка все-таки уже была. Нет, это до перестройки. 1968 год. «Перед событиями...»

Адам и Ева были беспартийны,
ковчег придумал беспартийный Ной...

...Теперь мы перейдем к чистой литературе, и я прочту еще одно стихотворение. Я вам говорю о таких гражданских моих постулатах, чтобы мы не возвращались... (а потом просто поговорим давайте «по литературе»), – чтобы было более-менее ясно, на чем я стою. И, значит, стихотвореньице я вам прочту про «как бы...» Это стихотворение неожиданно. Я думал, что это «чисто русское» стихотворение. И вдруг мне мои студенты, – я им прочитал, – «давайте переведем, это про нас все, про Америку!» «Как бы» – «сорт офф». Очень хорошее выражение, сленговое, «сорта-каинд» или «каиндо-сорт»... Потом я еду в Италию, оказывается – то же самое, здорово просто! У нас, говорят, «кома се» – «как говорятся». У меня вышла книжка с названием «Енель поэзия, кома се» В испанском это лучше всего переводить «массо-менус», «более или менее». И там очень здорово получилось, когда мы переводили. Я говорю хорошо, владею – испанским и итальянским, да и английским – ничего, во всяком случае, для русского, для сибирского мальчишки со станции Зима... И там есть у них такое замечательное слово, я сразу придумал неологизм, там не было в русском варианте, – что самая многочисленная партия – это партия «массомэнусистов». Это замечательно получилось! Понимаете, «массомэнусисты» – это стало поговоркой... Я вот сейчас еду в Никарагуа, в феврале эта бедная страна устраивает фестиваль «90 поэтов» – 90 поэтов мира там будут участвовать! И всюду: в Югославии, в Болгарии это «камо чи ли»... во всех странах (оно переведено, по-моему, на 40 языков, вот это стихотворение), – мы живем, оказывается (давайте задумаемся) среди огромного количества *как бы* ценностей! Вот в чем дело все... Мы живем, того не замечая, в мире «как бы ценностей», как все оказалось, понимаете... И это очень опасно, потому что, рушатся официальные идеологии, – американская идеология тоже вся просьпалась, вся обвалилась, им тоже хочется чего-то нового... Сейчас вообще самая перспективная наука – это философия, надо создавать новую философию, я думаю, что она должна быть построена на учитывании идеи Сахарова о конвергенции, и всего самого лучшего из идей социализма – минус преступления и всякие дикости и глупости, и тоже самое – и на

лучших качествах капитализма минус преступления капитализма, которых у него хватает, и гораздо больше, потому что капитализм – старше...

Итак, стихотворение, потом я – ваш, и буду отвечать на ваши вопросы.

За последние 2-3 года в русский разговорный язык зашло, да и расползлось по всей стране двусмысленное словечко «как бы», которое *как бы* все ставит под сомнение, а в тоже время своей *как бы* ухмылочкой *как бы* успокаивает нашу *как бы* совесть. Вы знаете, что когда рушится официальная идеология... (туда им и дорога, официальная идеология всегда – насильственна, созданная с задачей загипнотизировать народ в духе послушности и так далее), – жалеть об этом не нужно. Все официальные идеологии всегда будут рождать противостояние, как... у детей всегда появляется: страшно не то, что мы без идеологии, а – многие остались *без идеалов*. Вот это страшно, больно, знаете... Они еще есть, но как-то они начали пошатываться, потому что, понимаете, когда у многих людей существует вседозволенность, как говорил Достоевский, что «все возможно»... но у нас ведь что сейчас происходит? У нас нет культа личности там каких-то вождей, а у нас культ «успеха» появился, любой ценой – «успех». Дети бедных родителей стали стесняться честной бедности своих отцов и матерей, это страшно, понимаете? А мы воспитываем будущее поколение, мы должны помочь как-то... И вот поэтому я продолжаю писать такие стихи.

Я живу в государстве по имени Как бы,
где, как это ни странно, нет улицы Кафки.
Где и Гоголя как бы читают, а как бы и Хармса.
Где порой как бы любят, но как бы и не без хамства.
– Это правда, что все как бы пьют в государстве по имени Как бы?
– Есть, кто как бы не пьет, и поверьте нам, как бы ни капли.
– Что вообще за народ, эти самые ваши какбыйцы?
– Как бы люди вполне, но бывают, порой, как бы воры и как бы убийцы.
В основном, все мы как бы радушны и как бы достойны.
Все у нас поголовно за мир, но бывают и как бы войны.
В скольких кухоньках как бы Чечня, где побоища словно с врагами
сапогами, ножами кухонными и утюгами.
Наше «как бы» везде, словно будничное полоумье –
как бы судьи в суде, как бы думающие в Думе,
Мне открыла какбыйка одна свою крошечную как бы тайну:
«Я в вас как бы навек влюблена, вас читаю и как бы вся таю»...
Я хочу перед Богом предстать как я есть, а не как бы, не вроде.
Лишь бы как бы счастливым не стать в как бы жизни и как бы свободе.

(Продолжительные аплодисменты).

Теперь я объявляю себе запрет на монологизацию, я слушаю вас, буду отвечать, стараясь быть коротким и ясным, на все ваши вопросы. Пожалуйста. Ну, давайте.

Вопрос: Евгений Александрович, вы сказали о сибирском мальчишке, да? А скажите, пожалуйста, именно о вашей родине - я сам из Сибири.

Е.Е.: Откуда?

Ответ: Омск.

Е.Е.: Я был летом в Омске. Мы там показывали мою рок-оперу. Ну что, вам сказать еще о сибирском мальчишке? Я вам скажу так: каждый человек, во-первых, одолжен как-то корнями чувствовать то место, где родился, всегда нужно к нему возвращаться, это особое место, та земля, где ты когда-то разбивал себе нос, когда учился ходить... Родина – это, практически, уже «большое» понимание двора детства, где ты «разбивал себе нос».

Сейчас я считаю, что привязанность к родному краю – это начало любви к Родине. А потом уже сама Родина, потом уже земной шар, и кто знает, – потом, может, и галактики. Не столь абстрактные. Я видел одного мальчика уругвайского, князя Трубецкого по происхождению, но он уругвайский мальчик! Он даже по-русски не говорит, он очень модный художник был уже в 14 лет, и вот однажды спросил его наш посол: «А вот скажи,

пожалуйста, почему ты абстракции рисуешь?» Он замечательно ответил (это был момент нападок нашей власти на абстракционизм... Посол хотя был человек хороший, но как-то стремился «соответствовать» общему направлению). Мальчик ему ответил: «Понимаете, это для нас с вами абстракция, а для Гагарина это была реальность». *(Смех в зале)*. Понимаете, это было очень здорово! Поэтому мы не знаем, насколько еще раздвинутся горизонты познаваемого. Мы иногда многое теряем, когда только замыкаемся в проблемах, живя в каком-то городе, проблемах этого города... А многие люди замыкаются сейчас, потому что – не знаю как у вас, а у нас в связи с географией гигантской Советского Союза бывшего, – сейчас центральные газеты кое-где доходят с огромными опозданиями, и люди, в основном, покупают газеты собственного производства. Практические сведения: объявления, чего там где сдается, где там казино, где стриптиз открыли (кстати, на станции Зима тоже открыли стриптиз, на моей родине, казино тоже, мне говорили, собираются устроить и так далее). Но мы не должны жить только этим, регионом своим, мы не должны жить только своей родиной, не должны забывать про большую родину – человечество.

Сейчас страшные происходят процессы... Я бы сказал, в последнее время, глядя на угрозы терроризма и другие многие угрозы, мы живем под очень многими дамокловыми мечами, невидимыми кинжалами. Понимаете? Дамокловыми! Но в тоже время мы сами теряемся, не чувствуем себя членами одного и того же человечества, семьи-человечества. Я писал стихи об этом... Когда радиостанция «Эхо Москвы» передавало о взрыве в лондонском метро, и когда ждали отзывы слушателей, так они все почти говорили: «так им и надо!» Вот... а за что? Злости накопилось... На начальство, на жену там, не знаю, на что... на цены, на страх собственный потерять работу (страх потерять работу очень меняет психологию человека, между прочим, и доводит до озлобленности постоянной, когда он становится постоянным страхом). Человек становится закомплексованным, с загнанным этим страхом куда-то внутрь. Он к фашизму может, этот страх, привести.

Учтите, то фашизм возрождается как раз в моменты экономических кризисов. Вот если бы Пушкин Александр Сергеевич сейчас воскрес в Ленинграде со своим цветом кожи, прошелся бы там недалеко от своего музея на Мойке, то его скинхеды бы просто заточками уничтожили, и так далее... И это точно сейчас существует! Я ненавижу всех национальных националистов, русских или украинских, или еврейских, или арабских, – это самые опасные люди, – когда они теряют ощущение семьи-человечества. Это одна из самых страшных опасностей.

Вы будете самым настоящим сибиряком, если будете любить, чувствовать ответственность за Россию в целом, а не за свой только регион, и если вы будете русским или украинцем... если вы украинец, то вы будете болеть и за Россию, и за то, что завтра произойдет, может быть, в Гватемале – потому что от того, что произойдет где-то, в каком-то маленьком местечке мира, будет зависеть судьба всего человечества, в том числе и Ваша! Вот и все... Это нужно все воспринимать как взаимосвязанность судеб. А люди сейчас зажимаются, отделяются от человечества, им тяжело, у них по три работы, у них глаза слипаются... им не до Достоевского, не до мук Алеши Карамазова. Им бы выжить! И они хватаются, читать что-то хочется (не забыть бы, как читать!), а тут, вот: Дарья Донцова рядом лежит, можно ее жевать, как жвачку, пока едешь там в электричке, или там... Дэниэл Стил. Я когда-то в метро в Москве увидел шесть женщин, которые читали Дэниэла Стила – мне просто плакать захотелось, я понял, до чего их довела жизнь *(Смех в зале)*. Это такая популярная писательница слезоточивого чтива.

Вы меня поняли? Примерно, ответил? Не теряйте в себе сибиряка, но воспитывайте в себе гражданина человечества.

Вопрос: Мы говорили о малой родине и глобальной родине – «весь мир». О средней родине, скажите своей, о России. Как вы относитесь к сегодняшней России?

Е.Е.: Ну к какой России? Я не сужу о странах по говорящим головам в телевизоре, понимаете или нет? *(Резко повышенным тоном)*. Я же вот только что сказал про

партиестроительство, про человекостроительство. Что вы хотите сказать? Хотите сказать, люблю ли я Путина и так далее? Вы хотите, чтобы я ругал нашего президента, что ли? Или что? Ну, я по-моему, все сказал, неужели вам не понятно, что я думаю, я читал эти стихи, я не вмешиваюсь в мелкие полемики, понимаете, в мелкие полемики!.. У Путина – прекрасно, что такая, так сказать, энергия, – он получил развалившуюся страну... Но одной дисциплины в стране мало, должны быть духовные ценности, да и слишком много у нас стало решаться сверху. Понимаете, слишком много. И слишком много назначаемых должностей вместо выборных должностей. Я знаю, почему. Потому что выборные должности – это, когда покупают, можно купить, и не только по плохим причинам вводили их... Лучше назначения – хоть знаешь, за кого отвечаешь, потому что... сколько бандитов приходило к власти в разных регионах! Но на самом деле это не получается. Все-таки соревновательный метод, мне кажется, он лучше все равно, чем просто назначение. Так вообще можно забыть про то, что такое выборы... Вы понимаете?

То есть, вот эти противоречия. И все происходит не всегда от злого, а хочется, чтобы все как-то двигалось лучше... Или там, конечно, мне неприятно смотреть, когда идет какая-то горстка, скажем «Марш несогласных», а их там вдруг запикивают в какие-то эти самые, воронки, – хотя они никому не опасные, они не хулиганят, не разбивают никаких витрин и так далее. Но это – ментальность людей в форме: они не понимают,.. Это вот тоже – человекостроительство, которое нам необходимо. Их нужно как-то менять, работать с ними; вообще, все это, в конце концов, к нам обращено!..

Я считаю, что сейчас университеты, школы и так далее, – вообще все воспитательные институты, – должны играть огромнейшую роль в этом человекостроительстве, и ничего не может сделать просто правительство, никакая партия и т.д. И побольше бы нам... Знаете, честно, чего нам не хватает? И Украине, и нам – нам не хватает великих писателей! Очень, по зарез, просто, не хватает! Писателей, котрых мы могли бы *слушать*. Потому что, если завтра самый читаемый писатель нашей страны Александра Маринина обратится с призывом... (*Смех в зале*), то, понимаете, это все равно никто не будет воспринимать всерьез. Пожалуйста...

Вопрос: Если бы вам пришлось писать статью о роли и месте Александра Солженицына в российской культуре, то...

Е.Е.: Я бы сказал то, что написал вчера в письме Гордону, которое он собирается опубликовать в следующем номере своего «Бульвара», – с очень резкой оценкой Петецкой. Сколько бы Солженицын был в чем не прав – в каких-то своих произведениях, или... Все равно, этот человек сделал *столько*, сколько не сделали все писатели в России, в мире вместе! Потому что он поставил перед новым возникновением государства сталинского типа баррикаду из всех своих книг. Вот он это сделал, и это его великая заслуга, великая заслуга. Он великий человек, он выиграл борьбу с тоталитарным государством. И когда? Госпожа, миссис или мадемуазель Петецкая, когда только что этот человек умер, только что просто, ну... она плюет, просто ошметок грязи бросила на гроб, называя его стукачом. В лагере, когда он был, Солженицын сам описал, как его вызывали и предлагали ему быть информатором. Дали даже кличку и так далее. А если бы он не мотал головой или как-то бы не прятал глаза, то они бы поручили просто убрать его да и все, и его нашли бы с напильником в боку где-нибудь около дежурки. Но нигде, никогда не было... Разве можно так? Человеку позволительно ошибаться, я считаю, только в хорошую сторону. Но в плохую сторону... Называть великого писателя просто стукачом, простите – это невообразимо – без всяких доказательств! Это клевета просто и все. Потому что если бы, по логике вам скажу, если бы действительно Солженицын... он мог прикинуться, да-да-да-да, покивать там что-то, это да, я понимаю, потому что этот человек лагерного плана... Но если бы у него был хотя бы один донос на своих товарищей, который бы сохранился в архивах КГБ – неужели бы они это не использовали, когда они делали все, чтобы его растоптать и уничтожить... Ничего у них не было! И она не имела права... У меня есть одно стихотворение, я написал самоэпитафию, где меня не только

стукачом, меня просто генералом КГБ называют, который путешествует с разными спецзаданиями по миру, да...

Вопрос: Вы неоднократно упоминали Пастернака, что Вы, как Пастернак...

Е.Е.: Я сказал, что я как Пастернак?! Я такого не сказал. Вы что, меня в нескромности хотите обвинить? (*Смех в зале*). Ну, поздно уже меня упрекать, это неисправимо...

Продолжение вопроса: Мне интересно: к какой идеологии вы относите Пастернака?..

Е.Е.: К какой идеологии?! Да вы что? Вы говорите о гениальном писателе, и спрашиваете, какую идеологию я прослеживаю в его творчестве. Я только что сказал. Вы слышали, что я вообще говорю? Родная моя! Идеология – это есть насильственное вдалбливание каких-то идей, когда другие идеи объявляются диссидентскими и так далее. Какая может быть идеология у великого писателя. Вы что! У него *идеалы* должны быть. Нет, идеал и идеология – это совершенно разные вещи. Пастернак и идеология. Это просто... вообще!!!

Вопрос: Ваше выступление возвращает нас (по крайней мере мое поколение) в те времена, когда ваше слово собирало аудитории, когда оно звучало на каких-то регистрах гражданственности, открытая публицистичность - и вместе с тем был фермент красоты. Просто меня интересует как полупрофессионала, как вашего коллегу, когда вы выходили на большую аудиторию, вы чувствовали, что вы своими стихами еще и разговариваете языком красоты? А где красота становилась для вас наиболее ощутимой?..

Е.Е.: Я понял вас. Сейчас я объясню. Когда Достоевский говорил, что красота спасет мир, я абсолютно уверен, что он имел в виду (во всяком случае, я так толкую), что он говорил не только о красоте пейзажей, природы, так сказать, красоте любви и так далее, человеческих, просто интимных чувствах, – а и о красоте человеческих поступков, не правда ли? Вот в этом смысле, в этом смысле, я считаю, что в самой гражданственности, если конечно, это гражданственность, – есть красота. Я помню, как ко мне пришел молодой поэт, который стал сейчас знаменитым диссидентом – Володя Буковский – и принес мне стихи свои. Я ему сказал тогда: «Вы знаете, Володя, вы пишете стихи абсолютно наоборот всему тому, что пишет Алексей Сурков. Помните, такой был поэт? То есть он пишет, ну так, грубо говоря, «да здравствует советская власть!», а вы пишете – долой советскую власть. Но у него рифмы плохие, а у вас – еще хуже...» (*Смех в зале*). В общем, нет красоты!

А когда Пушкин пишет – для меня есть фермент красоты и в гражданских стихах Пушкина: «товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья. Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья...» Я однажды прочел немножко по-другому. Вопросительно: «напишут наши имена?» То есть, у меня нет этого в творчестве... но в каком-то смысле, мне трудно анализировать самого себя, я просто говорю о других, я просто поэт.

Вот Маяковский, например: ведь он, великий поэт, феноменально совершенно одаренный, – он именно рухнул на социальном заказе. Хотя... Потому что если бы он следовал себе, вдумавшись, что такое социальный заказ, тогда бы написал другие некоторые стихи, уже должен был написать в начале 30-х годов... Как Анна Ахматова, которая считалась декаденткой, такой камерной поэтессой, сословной, так ее называли (кстати, Жданов просто спер свои формулировки из «Литературной энциклопедии» 1933 года – просто списаны абзацы!) Я когда был школьником, к нам приехал лектор прорабатывать это постановление ЦК КПСС – о журналах «Звезда» и «Ленинград». Я встал и спросил: «Скажите, а вы не знаете адрес товарища Сталина?» – «Товарищ Сталин находится в Кремле. Можно писать в Кремль. Все граждане Советского Союза имеют на это право. А ты о чем хочешь написать товарищу Сталину?» – «Я, – говорю, – хочу написать о том, что товарищ Жданов, – вот у меня «Литературная энциклопедия», а вот его доклад, – списывает! А это нехорошо...» (*Смех в зале, аплодисменты*). И вы представляете, что случилось тогда. Учительница подбежала ко мне: «Товарищи, у Жени температура! Здесь никто ничего не слышал». Что вы, это страшно было – 1948 год. Ее

ведь засадить могли, что воспитывает таких вот.. негодяев маленьких. И меня отправили домой.

К чему я это говорю? Вот, например, «Бабий Яр». Когда я написал «Бабий Яр», я позвонил одному поэту, очень хорошему. Я когда прочел, я ему, Александру Межеру (это один из моих учителей), в Москву позвонил, а «ваши» записали, – я звонил из киевской гостиницы. И хотели уже утром отменить мое выступление на следующий день на Крещатике, они уже знали и текст лежал... Вот. И Саша сказал: «Женя, Женя, это как-то слишком спрямлено. Еврейская проблема - это так сложно, сложно все, в ней столько нюансов, ты так все спрямляешь, лучше не надо тебе это... Не надо. Не дай Бог ты напечатаешь, то еще опозоришься на весь мир!» Ну вот так он мне сказал. Действительно, спрямлял я там, конечно спрямлял, что там – шестьдесят строчек, как можно всю еврейскую проблему, со всеми нюансами, разложить по полочкам, все «сосчитать» там и так далее... А жена мне моя сказала, Галя, – замечательный человек, девочка, которая провела детство все в детдомах для врагов народа, она сказала: «Женя, про это вообще нельзя писать». И разрыдалась. Вот видите, и такие точки зрения были. А я ощутил... то есть я не думал о каком-то ферменте красоты, я знал одно: когда я пришел туда и увидел, как опрокидывают гниющий мусор на трупы, мне стало невыносимо стыдно от этого всего, что я вижу. Поэтому первая строчка началась так естественно: «Над Бабьим Яром памятников нет. Крутой обрыв, как грубое надгробье...»

Понимаете, я вообще всю жизнь писал стихи в двух чувствах: от перехлестывающей меня нежности, любви или же от – стыда. Я даже политических стихов не писал. Это были не политические стихи, это были стихи, написанные от стыда. Не имело значения: мне от чего-то было стыдно за границей или у себя на Родине. Потом мне говорил товарищ Павлов, был такой «румяный комсомольский вождь», я о нем тоже написал в свое время, – он мне говорил тогда: «Вот, Женя, если бы вы всегда писали такие стихи, как «Сопливый фашизм», что вы в Хельсинки написали, то мы же вас бы сделали первым национальным поэтом!» Я говорю: «Разве делают первым национальным поэтом? Им как-то становятся просто, *оказываются* люди. Неужели вы не понимаете?..» – «А вот вы – «Бабий Яр», зачем вам это надо?..» Я говорю: «Сергей Павлович!.. Если бы я не написал этого, я не имел бы права никакого морального писать...»

Думал ли я о «ферменте красоты» – я не знаю. Понимаете, когда я слышу исполнение симфонии Шостаковича, которая добавляет ферменты красоты к моим, может быть, скромным стихам... замечательное произведение получилось! Я счастлив.

И есть *то* какое-то, что нельзя написать, и Маяковский тут был прав: «Умри, мой стих, умри, как рядовой...» Но он просто ошибся в понятии «социального заказа»... Анна Ахматова, когда она пришла, помните, когда случилось с ее сыном... В тюрьму... Подошла к ней женщина с синими от холода губами и сказала: «А вы про это сможете написать?» И она сказала: «Да». Вот она стала в этот момент выше Маяковского как гражданский поэт. Потому что Маяковский этого не написал. И может быть, понимая, что он этого не написал, – и ушел, сам себя убил, сам с собой рассчитался...

Гражданственность и есть фермент красоты!

Вопрос: Я не смію до вашої російської рівняти свою і тому поставлю питання українською. В мене до вас два питання. Перше: ваші зустрічі й вечори літературні в Україні – це графік чи це ваш вибір? Якщо вибір, то чим спричинений? І друге питання. Я знаю, що у вас у Грузії було дуже багато побратимів по духу. Я можу їх назвати... (*Перевод:* Я не смею к вашему русскому равнять свой, и поэтому задам вопрос на украинском языке. У меня к вам два вопроса. Первый: ваши встречи и вечера литературные на Украине – это график или это ваш выбор? Если выбор, то чем вызванный? И второй вопрос. Я знаю, что у вас в Грузии было очень много братьев по духу. Я могу их назвать...)

Е.Е.: Не надо. Я их помню. Почти все. У меня врагов там нет.

Продолжение вопроса: В мене питання не політичне. Літературне. Чи звернулися ви до будь-кого з них влітку, і як почувалися ви за кордоном у цей час?.. Дякую. (*Перевод:* У меня вопрос не

политический. Литературный. Обращались ли вы к кому-нибудь из них летом, и как чувствовали себя за границей в это время?.. Благодарю).

Е.Е.: Понимаете, я хочу вам сказать, что в Грузии и у русских поэтов – это редчайший случай дружбы поэзий, неоднозначных по звучанию языка, по традициям. Такой любви, как между поэтами Грузии и России, история не знает! И даже Есенин, такой уж, казалось бы, чисто русский национальный поэт, и то он написал стихи, посвященные поэтам Грузии.

Я писал такие стихи когда-то: «О Грузия, нам слезы вытирая, ты русской музы колыбель вторая. Про Грузию забыв неосторожно, поэтом быть в России невозможно» Я придерживаюсь и раньше придерживался этого, и стою на этом! Сам я очень переживаю, для меня – это одна из огромных ран моих, в моей душе о том, какие у нас сейчас официальные взаимоотношения... И я думаю, что в этом виноваты все! Участники, которые и на сцене, очевидно и за сценой которые существуют.

Мои товарищеские отношения с грузинскими писателями не прерываются, они остаются, и хотя, конечно, нас пытаются столкнуть и так далее, но этого ничего не получится, никогда не выйдет. Но я хотел бы просто сказать, что сейчас очень тяжелая ситуация в мире образовалась политическая. В чем ее сложность? Она заключается в том, что сейчас почти все политики мира обвиняют друг друга в двойных стандартах. Но все, обвиняющие других в двойных стандартах, сами же используют эти двойные стандарты в политике! И практически, если говорить по совести о большой политике, то сейчас нет таких политиков, которые имели бы право поучать кого бы то ни было морали в политике. Нету таких, к сожалению, а хотелось, чтобы они были... Поэтому я вот как-то выступил в таком нашем очень смотрящемся шоу у Соловьева, который вообще-то не дает людям говорить, но как-то немножко придержался, – и я сказал, что вот, с моей точки зрения, сейчас самое хорошее время мириться. А я был с детства мирильщик, я всегда не любил, когда люди дерутся, и до сих пор не люблю... И войну я видел, и сквозь трупы выползал я под бомбежками – когда я ехал в эвакуацию, я три раза попадал под бомбежки, вылезал из-под трупов. Еще будучи восьмилетним ребенком...

И я хочу вам сказать то, что сказал тогда: я считаю, что было бы, конечно, очень здорово, если хотя бы раз в три года все лидеры мира встречались за круглым столом, перед телеэкранами всего человечества, и чтобы не упрекали друг друга ни в чем, а начинали бы с себя и говорили о своих ошибках, о том, в чем они виноваты. Вот это было бы то, что у нас сейчас потеряно. Потому что, когда мне говорят о морали люди, которые учат друг друга все время, люди, которые попирают... так же, как те, кого они обвиняют, – то это производит впечатление очень тягостное, горькое просто впечатление! И я надеюсь, что подобное когда-нибудь будет происходить. Я считаю, что только взаимоисповедальность выручает людей и сближает, когда люди не боятся, и только сила признания своих собственных ошибок – не под давлением каких-то обстоятельств, а под давлением совести, – это может сблизить людей.

Я считаю, что приглашающий пример – вот у последнего, покойного папы римского, когда он покаялся даже и за инквизицию, даже и за жестокость крестоносцев, и за тех польских, и за тех французских доносчиков гестаповцам, которые называли себя правоверными католиками, хотя он сам не был виноват в этом всем... Человек, который сначала, может быть, был слишком поляком, а потом принял на свои плечи скорбь всего человечества, увидел, в каком состоянии все человечество находится, – я думаю, что он дал приглашающий пример всем лидерам. И они не должны тащить закон джунглей... Хотя большие животные джунглей всегда договаривались, чтобы устраивать мир и следить за тем, чтобы другие животные не перекусывали друг другу глотки, а иногда политики наши – тащат каждый к себе, используя ссоры или какие-то счеты, вот этим и не хотел бы я заниматься... *(Администратор торопит Евтушенко к окончанию встречи).* Я выступаю в Киевском университете! Меня сюда пригласили, я сюда пришел. Я больше

ни с кем не договаривался (*на какую-то реплику администратора, громко*): Нет, меня это не волнует.

...Я надеюсь, вы меня поняли. Спасибо за вопрос.

Вопрос: В мене два питання. Одне я ношу вже років п'ять. Це з приводу: у вас був вірш «Приходите ко мне на могилку». Він використовувався у мюзиклі «Ах, мушкетеры, мушкетеры». Що ви вкладали в нього, коли писали, і як ви його сприймаєте зі сцени, у виконанні актора? І друге питання: дуже багато людей можуть назвати вас своїм, у чомусь, наставником. А від кого вам було б приємно почути такі слова із нинішніх письменників і взагалі відомих людей? (*Перевод: У меня два вопроса. Один я ношу уже лет пять. Это по поводу: у вас было стихотворение «Приходите ко мне на могилку». Оно использовалось в мюзикле «Ах, мушкетеры, мушкетеры». Что вы вкладывали в него, когда писали, и как вы его воспринимаете со сцены в исполнении артиста? И второй вопрос: очень много людей могут назвать вас своим, в чем-то, наставником. А от кого вам было бы приятно услышать такие слова из нынешних писателей и вообще известных людей?*)

Е.Е. Ну, видите в чем дело... Как вам сказать: действительно, мне всегда был близок образ д'Артаньяна, с детства это была моя одна из самых обожаемых книг, хотя я читал не только «Три мушкетера»... Но это – замечательная книга, которую Лев Толстой перечитывал 12 раз, между прочим, он всю эту эпопею перечитывал 12 раз, он заряжался заново, когда читал эту книгу! Что там главное, все-таки? Не нужно забывать конец этой книги: них наступило разочарование от бесконечного фехтования, они начали ощущать себя марионетками в чьих-то руках циничных, королевского ли двора, или... в этих интригах... Они поняли, что ими играют просто, как большими куклами, – это первое. Вторых, д'Артаньян он был, в общем, чтоб не сказать грубое слово «бабник», – он был женообожатель, ну, я не знаю, как бы сказать. Да! Ну что же... как вам сказать. Это мне тоже близко (*Смех в зале, аплодисменты*). Я стал прикидывать: эта тема не поднята, но я ее развил в своем варианте «Трех мушкетеров». Кстати, Леонард Бернстайн хотел сделать мюзикл на мой этот сценарий. У нас почти фильм готов был. Я бы его снимал. На роль д'Артаньяна у нас согласился Витторио Гассман – великий итальянский актер, Питер Устинов на роль Портоса, Клаус-Мари Брандау, великолепный австрийский актер, на роль Арамиса, я – на роль Атоса, – если бы хватило времени и сил на то, чтобы быть режиссером... Разные были варианты, уже даже Шон о'Коннери пробовался, Джек Николсон – я пробовал его, мы репетировали с ним. Вот я и сам на д'Артаньяна пробовался с английскими актрисами многими... Интересно было! Да, очень было интересно. У меня остались эти пробы на пленке. У меня, например, не осталось, когда меня снял Рязанов в роли Сирано де Бержерака, он же двадцать минут со мной снял в гриме! Потом фильм запретили из-за моего протеста по поводу наших танков в Чехословакии. И уничтожили эту пленку – варварски, хоть бы показать можно было что-то... Смыли! Ворвались в субботу, когда была закрыта студия, и смыли химикалиями пленочку, по-садистски даже оставили на виду смытую... Раз и навсегда. Так спасибо мне сказали!.. Рязанов, кстати, вел себя гениально... я ему это говорил. У него были такие замечательные актеры! Я выиграл у них всех вчистую, сто процентов голосов получил, хотя там были и Высоцкий, и Смоктуновский; был Ефремов, – я у всех у них выиграл, к собственному удивлению. Я говорил, что лучше, конечно, Смоктуновский, он «вообще гений и лучше меня, по-моему»... В общем, ему не давали снимать. Он начал продавать библиотеку, два года ему не давали снимать: наказали. Был без работы долго... Короче говоря, ваш этот вопрос, понимаете... Отождествление себя, самоотождествление какое-то - оно для меня естественное. Потому что это – мои герои. Я написал стихи: «Смотрите – трагически, озорно́, играю я все-таки роль Сирано». Я свою роль сыграл, как мог. Да!

Вопрос: Какими вы видите отношения Украины и России (культурные в том числе), в ближайшей перспективе - и долгосрочной?

Е.Е.: Я хочу вам сказать следующее. Что я вот в прошлом году, когда был здесь и выступал у Савика Шустера – в присутствии Яворивского и других украинских

письменников, моих коллег, – мы как-то хорошо поговорили, между прочим, по-моему, с моей точки зрения, людям понравилось...

Реплика из зала: Это наилучшая передача, когда не было политиков, а были писатели!..

Е.Е.: Да, да. Но, к сожалению, они тоже политиками стали, вот. А я нет, и правильно сделал. И значит, понимаете, я сказал: давайте сделаем, начнем просто: почему столько лет не проходили вечера украинских и русских поэтов вместе? Давайте сделаем в Москве сначала, или в Киеве сначала, а потом в таком же составе выступим, может быть! Даже проехать – не только по Москве, а съездили бы в Сибирь ко мне родную, и вообще... Вроде бы как-то договорились. Мы договорились, что жду от них каких-то известий. Ну нельзя так: мы настолько отделились... Мы раньше переводили друг друга, как-то встречались чаще Сейчас многие все забывают...

Кстати, мне очень нравилось в свое время работа Ивана Дзюбы, за которую его посадили. Я помню, как приехал (мы очень дружили), – как приехал ко мне Иван Драч в расстроенных чувствах, я написал письмо Щербицкому, и по моему письму он был освобожден, и так далее... Потом, Драч был единственным украинским писателем, который приходил ко мне некоторое время, когда я приехал в столичный град Киев. 23 года мне вообще в нем запрещали выступать после того, как я прочел «Бабий Яр» там, на Крещатике. А кстати, я защищал самого Ваню Драча, которого били. Я сказал, какие у него прекрасные стихи, как мы их любим в России. Тогда это было защитой... То есть мне... Я не понимаю, почему мы не можем просто разговаривать о литературе, почему мы должны все сводить на политику? Политика бы стала другой, если бы мы стали разговаривать по-другому, по-человечески. Понимаете?

Вопрос: Многие студенты, мне кажется, уже не читали ваши стихи и ранние и поздние. Может вы прочтете какое-то попури из ваших стихотворений?

Е.Е.: Как попури?!

Продолжение вопроса: Ну, есть стихотворения, которые вы считаете лучшими за все время?

Е.Е.: Ну откуда я знаю, какие стихи лучшие? Это мне трудно сказать.

Вопрос: (*неразборчиво*).

Е.Е.: Я не понял вашего вопроса, клянусь вам. Может, я тупой?

Вопрос: Считаете ли вы новую поэзию созвучной эпохе?..

Е.Е.: Мне кажется, что в русской поэзии современной превалируют, к сожалению, скепсис, ирония и – самопожирательная иногда ирония (а не самокритическая). И они как-то заменяют все... Совершенно полное отсутствие романтики и даже эротики какой-то – прекрасной, одухотворенной эротики я не вижу. Даже любовные стихи, где была бы переполняющая душу нежность, очень редко встретить можно у молодых поэтов. Это больше всего стихи, ну как бы сказать... такие фрустрированные сексуальные монологи, понимаете, слишком рановато фрустрированных людей, молодых совершенно.. Мне многого не хватает, и я думаю, что не хватает читателям, потому что можно сказать, это беда русской поэзии.

В русской поэзии уже много поколений произошло после нашей плеяды, самым талантливым поэтом (и в смысле индивидуальности) был Бродский. Но Бродский... он такой человек... у него поэзия лишена жизнелюбия. Это правда, ничего не означает: у Лермонтова тоже не так уж много было жизнелюбия, только отдельные, может быть, стихи прорывались. Вот! Мне кажется, что не такого жизнелюбия не хватает, которое ставит выше всего просто удовольствие, понимаете, – а *жизнелюбия как энергии*.

И поэтому в них трудно влюбляться, в этих поэтов. Недостаточно какой-то... святости, какой-то наэлектризованности, понимаете? Люди делятся на людей с искрами в глазах и без оных, с моей точки зрения. И вот людей-поэтов «с искрами», с искрящимися глазами очень мало. Я не говорю, что они должны терять чувство трагичности от этого, совсем нет! Например, мой любимый фильм – «Похититель велосипедов», может быть самый лучший фильм за историю кинематографа. Это же – трагический фильм. Но в нем нигде нет уныния. И там все время присутствует чувство какой-то драгоценности жизни,

которое куда-то раз – и исчезла. То есть недостаточно полнокровная, анемичная поэзия какая-то. Вот так мне кажется.

Вопрос: Перепрошую, я думаю, що ви настільки гарно розумієте українську мову, що я не хочу... (*Перевод:* Простите, я думаю, что вы настолько хорошо понимаете украинский язык, что я не хочу...)

Е.Е.: ...Я понимаю, конечно!

Продолжение вопроса: Які ваші уподобання щодо української літератури? Я маю на увазі класичну літературу і сучасну. (*Перевод:* каковы ваши предпочтения относительно украинской литературы? Я имею ввиду классическую литературу и современную).

Е.Е.: Я, во-первых, не разделяю классическую литературу с хорошими стихами современными. Потому что в современной литературе уже можно видеть то, что станет классикой или не станет. Шевченко для меня всегда и современный, и классик одновременно. Учитель.

И – многие стихи моих товарищей по поколению, которых я хорошо знал, например, Ваню Драча (с которым когда-то мы читали вместе на вечерах, которого я слушал...) Они до сих пор живут. И Микола Винграновский, и молодой Коротич – они живут до сих пор во мне. Я очень люблю стихи Лины Костенко, мы с ней вместе учились. И потом, что мне нравится в ней: в ней есть то, чего у многих не хватает сейчас – величие! Величие духа у нее есть. Она – даже, когда не пишет и не показывается нигде, – она живет, понимаете? Вокруг нее есть аура настоящей поэзии, вокруг Лины Костенко. Вот в этом ее замечательность.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, как опытный поэт, вот сейчас, когда пишется новое произведение, какое соотношение техники и вдохновения... и есть ли оно вообще, это вдохновение?

Е.Е.: Ну понимаете, какая штука: во-первых, вы должны знать *все!* Все уметь должны! Вы будете писать белые стихи только в том случае, если вы будете великим мастером рифмы... Кандинский стал великим, первым великим абстракционистом именно потому, что он был замечательным экспрессионистом. Пикассо был великим экспериментатором, потому что у него был «голубой период», – если говорить о живописи, в которой я, может, понимаю больше, чем в поэзии. И поэтому техническое мастерство у человека должна быть: огромная мастерская, с разными инструментами, начиная от ювелирных инструментов, от, так сказать, часовых отверточек крошечных – до кувалды... Разные инструменты, набор. Все нужно, потому что... все нужно.

Я когда писал стихи об Анне Ахматовой, я не мог писать стихом Маяковского, это было бы глупо, нелепо. А о Маяковском – стилем, скажем так, Анны Ахматовой. Вот, собственно, самое главное – выработать свой стиль, когда я забыл про все (до меня), а просто пишу, от себя; где я первый раз *услышал сам себя* – это было очень простое стихотворение... Но это после того, когда я доказал, что умею рифмовать. Я зарифмовал весь словарь Ожегова новыми рифмами и доказал, что могу это сделать, и только это мне дало право иногда писать совершенно простыми глагольными рифмами, которые совершенно не мешали: значит, так надо было! Я написал стихотворение «Со мною вот что происходит. Ко мне мой старый друг не ходит. А ходят в праздной суете...» Вот так вышел на эту простоту.

Кстати, профессионализм неотъемлем от этики... Когда некоторые поэты пишут о потере близких людей, о трагичных местах, и когда они начинают употреблять тут аллитерации или слишком красивые образы, это – нарушение этики, профессионального мастерства, в эти моменты нельзя красиво рифмовать. Понимаете меня? Это очень чувствовали Блок и многие другие. А когда Анна Ахматова хотела спасти своего сына (это великий, конечно, эксперимент, который не был нигде в литературе мира)?!. Ей сказали, что, может быть, поможет, если она семь стихотворений Сталину посвятит. То она намеренно написала эти стихи с плохими рифмами: чтобы люди, ее читатели, поняли, что это, ради чего она пишет это. Они это поняли! Она объяснила своим читателям

плохими рифмами, что она пишет это только ради того, чтобы спасти свое дитя, что сделала бы любая другая мать...

Я стихотворение написал «Я любил под Пьяццоллу...» (мой любимый аккордеонист Пьяццолла, рекомендую познакомиться с его творчеством, итальянец, который стал аргентинцем). Я написал стихи: «Я любил под Пьяццоллу...». Там одна рифма рискованная очень, на грани фола, но она «проходит», так как рядом стоит очень точная и красивая рифма, все выравнивается:

Я любил под Пьяццоллу
и хруст простыней накрохмаленных,
и под шелест подсолнухов,
под Армстронга и под Рахманинова!..

Такая почти непереводаемая рифма – «подсолнухов» и «Пьяццоллу» – р-раз, и скрепляет, в стихе должны быть скрепы. Те, кто пишут без рифм, и пишут от лени, от незнания рифм, сразу чувствуются, потому что белые стихи нуждаются в каких-то скрепах еще больше. Скрепы должны быть все равно!.. Форма должна чувствоваться в стихах. Или *не* чувствоваться до такой степени, как у Пушкина: «Я вас любил, любовь еще, быть может...» Как будто стихотворение не написано, а выдышано, потому его почти никто не может перевести. Никак его нельзя перевести...

...Я дарю университету вот эту антологию – первый том вышел. Еще выйдут три. Это антология «В начале было Слово... (Десять веков русской поэзии)». Вот здесь такая надпись: «Киевскому национальному университету имени Тараса Шевченко от составителя этой антологии с надеждой, что наши культуры – и украинская, и русская – всегда будут в истории не враждующими, а взаимоподдерживающими и взаимообогащающими».

(Бурные продолжительные аплодисменты).